

УДК 821.161.1.0
ББК 83.3(2Рос=Рус)

Радомская Татьяна Игоревна,
доктор филологических наук, профессор,
ФГБОУ ВПО «Государственная академия славянской культуры»,
Хибинский проезд, д. 6, 129337 г. Москва, Российская Федерация
E-mail: solomatinaraisa@rambler.ru

1916 год. ДВА ПРОЩАНИЯ С МОСКВОЙ (ПАСХА НА БРАТСКОМ КЛАДБИЩЕ И «СТИХИ О МОСКВЕ» М. ЦВЕТАЕВОЙ)

Аннотация: В статье рассказывается о том, какой предстаёт Москва последнего предреволюционного 1916 г. В работе совмещены два ракурса — исторический (очерк С. Яблоновского «У Братских могил») и художественный («Стихи о Москве» М. Цветаевой). И то и другое объединяет тема прощания с Москвой, с той Пасхой, которых уже не повторится после 1917 г. В статье вводятся фрагменты из уникального очерка С. Яблоновского, где рассказывается о встрече Пасхи москвичами на Братском кладбище в Сокольниках. «Стихи о Москве» М. Цветаевой созвучны очерку: здесь поэт прощается с теми местами Москвы, её укладом, который очень скоро будет разрушаться.

Ключевые слова: Всесвятское кладбище, Пасха, свечи, Иверская часовня, воины, крест, странники, дорога, дом, Москва.

В 1916 г. журналист Сергей Яблоновский написал очерк «У братских могил» о праздновании Пасхи 9 апреля москвичами под открытым небом на аллеях Всесвятской рощи (Сокольники), на Братском кладбище [1, с. 53], посвящённом жертвам войны 1914 г. и созданном Великой Княгиней Елизаветой Феодоровной.

Сам по себе факт празднования Пасхи на кладбище удивителен — впереди Радоница и тогда... Но, видно, что-то тянуло российское общество 1916 г. встретить Пасху с уже воскресшими за гробовой, земной чертой.

«Это нужно, в этом — глубокая потребность. В такие минуты даже сам скептицизм <...> чует какие-то волнующие, чуждые грани...» [1, с. 53]. «Чуждые грани», которые там, в Отечестве Небесном, становятся роднее всех материальных. В особые моменты жизни, в Пасху Христову, необыкновенную, последнюю Пасху той (курсив мой. — Т. Р.) России.

Быть может, на этой Пасхе подсознательно прощались с Российской империей и начинали постепенно обретать свой личный Град Китеж, пока ещё неясный в причудливых очертаниях. Не менее 500 москвичей зажгли свечи в лампадах.

«Мокрые потрескивающие фитильки свечек загорелись, и кладбище превратилось в странную фантастическую сказку.

Сзади, спереди, налево, направо вспыхнула золотыми огнями таинственная жуткая жизнь... Может быть, какие-то сказочные города выросли и зажили своей таинственной жизнью, засветились тысячами окошечек. А может быть, это море вдали, и на нем огромная флотилия лодочек, полных жизнью, веселым праздничным настроением...

А потом присмотритесь, и видите, что огонечками горят могилки. Именно могилки, а не могилы — такими маленькими они кажутся в этих бесконечных рядах, на этом бесконечном пространстве. Каждая могилка горит своим огоньком, и чем-то мистическим веет на душу от этих огоньков, словно не на могилах они, а из могил исходят, словно и впрямь душа человеческая сегодня из могилы ярким огоньком горит и светится.

Словно исходят, излучаются души человеческие, тянутся к нам навстречу, соединяются с нами, забывшими, пришедшими» [1, с. 53–54].

Единство «здесь и там», сопряжение дольного и горнего в человеческой жизни — именно это её качество ощущают молящиеся за Пасхальной заутреней. Здесь и прощание, и встреча. Рядом с могилой «жизнь бесконечная».

У Цветаевой, современницы москвичей пасхальной заутрени 1916 г., чуть позже в стихотворении «Мракобесие. — Смерч. — Содом» тот же холм, те же «прадедовы дубы», то же единство живых и мёртвых, составляющие особенность мировосприятия России [2, с. 145].

Может быть, предчувствуя близкий конец всему родному в России в том же 1916 г. в «Стихах о Москве» она запечатлеет то, что скоро уйдёт, но останется в веках. «Эти стихи были — пророческие. *Перечтите* их и не забудьте даты» [2, с. 98].

Что же здесь запечатлено из того, что произойдёт потом?

В 3-м стихотворении «Мимо ночных башен...», написанном 31 марта 1916 г., появляется образ, который потом будет встречаться и в дневниковых записях Цветаевой 1917–1920-х гг., и в цикле «Лебединый стан». Это ревущие, кричащие зверским криком молодые солдаты.

Их образ запечатлён и в стихотворении «Колыбель, оваянная красным!» («Лебединый стан»), посвящённом дочери Ирине:

Колыбель, оваянная красным!
Колыбель, качаемая чернью!
Гром солдат — вдоль храмов — за вечерней...
А ребёнок вырастет прекрасным...

В стихотворении «Мимо ночных башен...» чувство лирической героини описывается Цветаевой так, что в нём становится очевидной его близкая к стихийной силе солдат страстность, и отношение поэта к этому двойственно. Стихия страсти

захватывает, но она же и страшна так, как страшен в ночи рёв молодых солдат. Но страстному, чувственному огню здесь противопоставляется другой огонь:

Мой — рот — разгарчив.
 Даром что свят — вид.
 Как золотой ларчик,
Иверская горит (курсив мой. — Т. Р.).

Этот иной свет резко меняет конец стихотворения. Вместо разгула стихийного чувства — попытка его остановить. Более того, попытка его понять и назвать. Светлый огонь от иконы Божией Матери Иверской (огонь от свеч, поставленных молящимися) касается души и даёт *духовное понимание* пережитого.

Какое же? Мы уже указывали на то, что Марине Цветаевой было свойственно стремление к реализации души в повседневной жизни. Один из способов осуществления себя по-романтически виделся ей в раскрепощении чувств, что неизбежно связано с эстетизацией стихийного начала. «Страсть — последняя возможность человеку высказаться», — пишет Цветаева [2, с. 163].

Но в стихотворении «Мимо ночных башен...» на какое-то время ею осознаётся иное. Ночная прогулка по Москве, показанная как бешеное мчащееся движение и реализация страстного и стихийного, названа в конце стихотворения «озорством», игрой.

Цветаева увидела, прожила своим опытом Москву 1916 г. и запечатлела её образ. Здесь рядом со святынями — стихия дерзости и мятежа, страшная в своём «озорстве». Очень скоро она охватит пожаром не только Москву, но и всю Россию, очень скоро над колыбелью дочери Цветаевой будет раздаваться «рёв солдат», и очень скоро прекрасные мечты о свободе поэт сравнит с «гуляющей девкой на шальной солдатской груди» («Из строгого, стройного храма...»).

В Москве 1916 г. Цветаева увидела, как эта «свободная стихия» вторгается в сердце отдельного человека, охватывает многих и многих. В такой раскрепощённой свободе чувств, игре сил — прообраз будущих потрясений, «летопись» которых поэт будет писать в «Лебедином стане».

«Бунтующая метель. Мне всегда метель напоминала мятежную первую потенцию Шеллинга. Это — алкание без удовлетворения, движение без достижения (как революция!). Ветер вместе с тем напоминает метели, описанные в русской литературе не раз: от Пушкина до А. Белого. Метель — безумие, бунт темного. Поэтому-то она так тревожит слабую душу. *Хаос вовне будит отзвук в хаосе внутри...*» (курсив мой. — Т. Р.) — писал В. П. Зубов в Москве 1919 г. [2, с. 100].

Начало этой «метели», входящей в душу человека, Цветаева явственно ощутила в Москве 1916 г. и противопоставила этому пожару вечный огонь московских святынь, а в 1937 г., когда Иверская часовня уже была разрушена, Марина писала: «“Там Иверское сердце — Червонное, горит”. И будет горсть — *вечно* (курсив мой. — Т. Р.)».

И, наконец, давайте попробуем понять, что вкладывала Цветаева в следующие строки всё из того же письма к Ю. П. Иваску: «Да, я в 1916 г. первая так сказала Москву... И этим счастлива и горда, ибо это была Москва последнего часа и раза. *На прощанье*». Во-первых, есть ли тут противоречие с последующими словами, непосредственно идущими за вышеприведёнными строками «“Там Иверское сердце — Червонное, горит”». И будет гореть — вечно. Эти стихи были — пророческие»? Утверждением о том, что эти «стихи были — пророческие», уже снимается возможное противоречие между тем, что дан образ Москвы «последнего часа и раза», и тем, что он, этот образ, тем не менее вечен.

Действительно, Цветаева запечатлела Москву, которую не только никто из нас, но и её сын уже не увидел. Её «Стихи о Москве» — пророческое прощание с ней, и поэтому в этом цикле поэт стремится показать, «сказать» ту Москву, которой скоро не будет. И это ей удалось передать.

Если обратиться к воспоминаниям и документальным свидетельствам самых разных современников Цветаевой, то мы увидим, насколько близко друг к другу воспринимали этот город поэт Цветаева, епископ Арсений (Жадановский) и священник Сергей Сидоров [2, с. 101].

Цветаева «на прощанье» «сказала» конкретные детали быта Москвы, передающие духовный уклад жизни России.

Это странники, образу которых отводит отец Сергей Сидоров не одну страницу своих воспоминаний [2, с. 101].

Это молящийся народ около двух особо почитаемых часовен — Иверской и часовни Целителя Пантелеймона Русского на Афоне Пантелеймонова монастыря у Владимирских ворот Китай-города. (В 1866 г. со Св. Горы были принесены часть св. мощей вмч. и цел. Пантелеймона, в 1883 г. состоялось освящение часовни. Множество народа с утра до вечера стекалось в это место, как вспоминает современник, чтобы приложиться к мощам цел. Пантелеймона.)

Наконец, в стихотворении «Из рук моих — нерукотворный град...» Цветаева запечатлела сердце Москвы — Кремль с его святынями — такими, какими они были тогда, в Москве 1916 г. Это «Спасские — с цветами — ворота» — Спасская башня с её фресками XVII в., обновлёнными в 1866–1867 гг. А так как на воротах Спасской башни находилась икона Спаса Нерукотворного, поставленная при царе Алексее Михайловиче, то им был издан указ на вечные времена входить через эти ворота с непокрытой головой. Именно эту деталь, передающую православный уклад России, и отражает Цветаева: «Где шапка православного снята».

И опять возникает образ Иверской часовни Божией Матери, так точно, по-народному названной поэтом «приютом всех зол». Ещё одна деталь — и через эти конкретные земные приметы создаётся образ вечной молящейся России: «Где вытертый — от поцелуев — пол».

Образ Божией Матери «Нечаянная Радость» также особо почитаем русским народом. В строках «К Нечаянная Радости в саду / Я гостя чужеземного сведу» речь идёт о церкви Благовещения в Кремле в Тайницком саду, где была эта икона. Пасху

1916 г. Марина встречала там вместе с Мандельштамом, которому данное стихотворение посвящено.

Так, вчитываясь в «Стихи о Москве», мы видим облик православной Руси, созданной Цветаевой через ряд деталей, складывающихся в картины. Их можно назвать словами художника Павла Корина — «Русь уходящая».

Но созданный образ России, так же как и картина Павла Корина, показывает одновременно и Русь вечную, потому что те детали уклада, как бы «сфотографированные» Цветаевой, обладают особой изобразительностью. Они точны *исторически*, и именно поэтому их так легко исторически комментировать. Но они точны и *духовно*, т. е. точно указывают на духовную, вечную сущность явления города Москвы в жизни русского народа. Очень скоро будут поруганы эти святыни, и в их конкретных красках, деталях Цветаева «на прощанье» дарит будущему читателю свой город.

Удивительно здесь следующее: из всей Москвы она выбирает именно то, что очень скоро будет разрушено «рвём солдат». И в этом также пророчество «Стихов о Москве» («Эти стихи были — пророческие»).

Но духовная сущность города не умрёт. Разрушена Иверская часовня Божией Матери, но нельзя разрушить то, что вечно, — Царицу Небесную. В начале стихотворения Цветаева называет Москву «нерукотворным градом» — созданным не только руками людей, но по Промыслу Божию, поэтому этот город можно измучить, ранить, но не уничтожить: Иверское сердце Заступницы Небесной будет горсть вечно. Но... уже в другой Москве, без сорока сороков, без того Кремля, без той Иверской часовни. Действительно, в 1916 г. такую, уходящую и вечную, Москву Цветаева «сказала» если не первая, то одна из первых.

В «Стихах о Москве» она выступает как поэт, обладающий совершенно неожиданным, казалось бы, для её темперамента, художественного мировосприятия качеством. Это особое умение почувствовать «бег времени» и во временном, уходящем уловить, запечатлеть то, что вечно, непреходяще.

Два прощания с уходящей страной и два неразрывных единства Отечества земного и Небесного — это 1916 г., накануне двух русских революций.

Одно прощание — народа.

Другое — поэта — неразрывно связанным и с народом, и со временем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 Марина Цветаева: «Берегите гнездо и дом...» Страницы русского лихолетья в творчестве поэта / автор-сост. Т. И. Радомская. М.: Совпадение, 2005. 237 с.
- 2 Яблоновский Сергей. У братских могил / предисл. и публ. М. В. Катагощиной. Рассказ о Пасхальной заутрени на Братском кладбище в Москве в 1915 году // Московский журнал. 1992. № 4.

Radomskaya Tat'iana Igorevna,

DSc in Philology, Professor,

*FSBI HPE «The State Academy of Slavic Culture»,
Khibinsky pr. 6, 129337 Moscow, Russian Federation*

E-mail: solomatinaraisa@rambler.ru

**1916. TWO FAREWELLS TO MOSCOW
(EASTER ON A FRATERNAL CEMETERY
AND «POEMS OF MOSCOW» BY TSVETAEVA)**

Abstract: This paper describes Moscow in the last pre-revolutionary year, 1916, at two different angles — the historical (C. Yablonovsky essay «The mass grave») and the artistic («Poems of Moscow» by Marina Tsvetaeva). Both are united by the theme of parting with Moscow, with the Easter, which will never recur after 1917. The article introduces fragments of a unique essay by S. Yablonovsky, which tells about a meeting of Easter by Moscovites in the Fraternal Cemetery in Sokolniki. «Poems of Moscow» by M. Tsvetaeva are consonant with the essay: there the poet bids farewell to the places of Moscow, its way of life, which very soon will collapse.

Keywords: All Saints Cemetery, Easter, candles, Iver chapel, soldiers, cross, pilgrims, road, house, Moscow.

REFERENCES

- 1 *Marina Tsvetaeva: «Beregite gnezdo i dom...» Stranitsy russkogo likholet'ia v tvorchestve poeta* [Marina Tsvetaeva: «Take care of the nest and the house...» Pages of Russian hard times in the poet works], author-composer T. I. Radomskaia. Moscow, Sovpadenie Publ., 2005. 237 p.
- 2 Iablonovskii Sergei. U bratskikh mogil [In the fraternal graves], predisl. i publ. M. V. Katagoshchinoi. Rasskaz o Paskhal'noi zautreni na Bratskom kladbishche v Moskve v 1915 godu [The story of the Easter service in the Fraternal Cemetery in Moscow in 1915]. *Moskovskii zhurnal* [Moscow magazine], 1992, no 4.